

Е. В. Смыков

«Несостоявшийся Александр»: некоторые аспекты образа Германика у Тацита

воим героям Тацит редко давал развернутые характеристики. Мрачный ли деспотизм Тиберия или артистическая жестокость Нерона, суровость Гальбы или таланты Веспасиана — все это предстает перед нами в поступках героев, характеристиках, которые дают им окружающие, общей тональности повествования. Одним из отступлений от этого правила является характеристика Германика, даваемая историком через его сравнение с Александром Великим: «Похоронам Германика — без изображений предков, без всякой пышности — придала торжественность его слава и память о его добродетелях. Иные, вспоминая о его красоте, возрасте, обстоятельствах смерти и, наконец, также о том, что он умер поблизости от тех мест, где окончилась жизнь Александра Великого, сравнивали их судьбы. Ибо и тот, и другой, отличаясь благородною внешностью и знатностью рода, прожили немногим больше тридцати лет, погибли среди чужих племен от коварства своих приближенных; но Германик был мягок с друзьями, умерен в наслаждениях, женат единственный раз и имел от этого брака законных детей; а качествами воина он не уступал Александру, даже если и не обладал его безрассудством, а Германию, приведенную в смятение столькими победами, ему поработить помешали. Будь он самодержавным вершителем государственных дел, располагай царскими правами и титулом, он настолько быстрее, чем Александр, добился бы воинской славы, насколько превосходил его милосердием, воздержностью и другими добрыми качествами» (пер. А. С. Бобовича, с изменениями)¹.

В дошедшей до нас литературной традиции это — единственное сравнение Германика с Александром². Пара, с нашей точки зрения, довольно странная: всемирно известный завоеватель, чей образ прочно вошел в культуру Запада, Востока

¹ Tac. Ann. II.73: Funus sine imaginibus et pompa per laudes ac memoriam virtutum eius celebre fuit. et erant qui formam, aetatem, genus mortis ob propinquitatem etiam locorum in quibus interiit, magni Alexandri fatis adacquarent. nam utrumque corpore decoro, genere insigni, haud multum triginta annos egressum, suorum insidiis externas inter gentis occidisse: sed hunc mitem erga amicos, modicum voluptatum, uno matrimonio, certis liberis egisse, neque minus proeliatorem, etiam si temeritas afuerit praepeditusque sit percussas tot victoriis Germanias servitio premere. quod si solus arbiter rerum, si lure et nomine regio fuisset, tanto promptius adsecuturum gloriae militiae quantum clementia, temperantia, ceteris bonis artibus praestitisset

² [1, с. 286]. Исследователь, впрочем, допускает наличие в прошлом и других сравнений, не дошедших до нас.

и России¹ — и достаточно заурядный римский полководец, имя которого известно лишь узким специалистам! Впрочем, такая странность была присуща римлянам издавна, если вспомнить, что в комедии Плавта «Привидение», поставленной, скорее всего, между 194 и 184 гг. до н. э., в последнее десятилетие его жизни, раб Транион говорит: «Утверждают, что двое, Александр Великий и Агафокл, свершили великие деяния: а что же будет мне, третьему, который — один-единственный! — совершает бессмертные дела?» (Plaut. Most., 775–777). Вновь Александр оказывается рядом с фигурой, на наш взгляд несопоставимой по масштабам!² В связи с этим возникают два взаимосвязанных вопроса: во-первых, есть ли некая реальная основа под таким сопоставлением, т. е. является ли приведенный текст отражением сознательной *imitatio Alexandri* со стороны Германика; во-вторых, кто конкретно скрывается под словами «иные... сравнивали» (*egant qui... adacquarent*)?

Что касается сознательности подражания Александру со стороны Германика, то материалов здесь, фактически, никаких нет. Обычно в доказательство ссылаются на косвенные данные, связанные с маршрутом поездки римского полководца по Востоку³. Указывают, что он посетил Акции (Тас. Апп., II, 53) — место, где его дед Антоний, избравший Александра моделью для своего поведения на Востоке, потерпел окончательное поражение в борьбе за власть; затем он останавливался в Афинах (Тас. Апп., II, 53), где подолгу жил и Антоний; в Азии посетил руины Илиона (Тас. Апп., II, 54), как в свое время сделал и Александр; наконец, посетил Египет (Тас. Апп., II, 59–61) — вновь по следам Александра [4, S. 383]. Доводы эти сильными не назовешь. Действительно, подражание Александру со стороны Марка Антония — дело далеко не столь очевидное, как может показаться, и само еще нуждается в детальном обосновании⁴. Между тем и визит в Акции, где «перед ним постоянно витали великие примеры радости и скорби» (Тас. Апп., II, 53), связанные с семейными воспоминаниями не только об Антонии, но и о его противнике, который приходился Германику дядей, и, тем более, визит в Афины, которые не миновал ни один знатный римлянин, были вполне естественны без всякого подражания кому-либо. Что касается посещения Илиона, то и здесь Тацит дает вполне убедительное объяснение: город интересовал Германика «как знак изменчивости судьбы и как памятник нашего происхождения» (Тас. Апп., II, 54). В итоге можно сказать, что если уж что объединяет эти три места воедино, — то отнюдь не витающая над ними тень Александра, а, скорее, память о происхождении, своем личном и своего народа.

Несколько сложнее обстоит дело с Египтом. Кроме тацитовского рассказа о путешествии Германика, Герхард Алдерс ссылается на папирус, из которого, по его мнению, следует, что Германик, свободно общаясь с населением Александрии (что вызвало недовольство Тиберия!) следовал в этом образцу Александра. Более того, он, оказывая благодеяния народу Александрии (снижение цен на хлеб и т. п.) действовал так, как действовал бы на его месте великий македонянин [7, S. 384]. Однако при ближайшем рассмотрении эти аргументы оказываются довольно слабыми. Во-первых, само путешествие Германика по Египту, как недвусмысленно указывает Тацит, имело целью ознакомление с его древностями (Тас. Апп., II, 59; ср.: Plin. NH., VIII, 185; *Ann. Mag.* XXII, 14, 8 — о посещении Германиком святилища Аписа в Мемфисе)

¹ Яркие образцы того, что в России Александр не был достоянием только «книжной» культуры, см., например, в очень интересной статье петербургского исследователя В. В. Виноградова, ныне, к сожалению, покойного: [2, с. 95–102].

² Для оценки этого фрагмента из Плавта см.: [3, с. 10].

³ Наиболее подробный анализ см.: [4, S. 165 f.].

⁴ Идея о том, что Марк Антоний на Востоке подражал своими действиями Александру, распространена довольно широко [см., напр.: 5, S. 109 f.; 6, S. 193 f.] Однако зачастую основания для такого утверждения явно недостаточны [см.: 3, с. 14].

и было направлено в районы, которые со времен Гекатея и Геродота и даже ранее традиционно привлекали туристов, но не имеют никакого отношения к Александру (Фивы, колосс Мемнона и т. п.)¹. Во-вторых, Тацит указывает, что своим поведением в Александрии Германик следовал примеру Публия Сципиона на Сицилии (Тас. Анн., II, 59). Правда, некоторые авторы считают, что Сципион, в свою очередь, подражал Александру², но это вызывает большие сомнения³.

Если же рассмотреть те политические выгоды, которые мог получить Германик в результате такого подражания, то окажется, что их почти не было, а вот неприятности за этим визитом последовали. Египет был на дурном счету у римских императоров первого века империи; Германик был первый из членов императорской фамилии, который посетил его, нарушив тем самым закон, запрещающий посещение этой провинции сенаторами без разрешения принцепса. В своем стремлении угодить ему египтяне даже допустили политическую бестактность по отношению к правящему принцепсу — хотели даровать божеские почести, которые Германик отклонил⁴. Все это, естественно, не могло нравиться Тиберию, который сделал Германику выговор за его поведение⁵. Так что любые политические игры последнего в Египте неминуемо вовлекли бы его в конфликт с принцепсом и были чреваты непредсказуемыми последствиями⁶.

Итак, оснований говорить об *imitatio Alexandri* со стороны Германика у нас нет⁷. Иное дело — посмертное сравнение этих двух персонажей. Несмотря на то, что особых полководческих достижений за Германиком не числилось [12, р. 463], к сопоставлению располагали и возраст, в котором они оба ушли из жизни, и их несомненная личная харизма. Такого рода похвалы-сопоставления легко представить еще при жизни Германика в устах греков из его окружения, для которых Александр был эталоном героя, или как часть посмертных восхвалений в его адрес со стороны безутешной Агриппины [8, р. 77]. Однако все не так просто. Сравнение с Александром вполне *могло* прозвучать, но в таком виде, как его приводит Тацит, оно прозвучало вряд ли. Во-первых, оно содержит вполне очевидный подтекст — сравниваются не только Германик и Александр, но и Германик и Тиберий. Действительно, последний, как и Александр, не мог похвалиться ни прочной семьей, ни воздержанностью, ни милосердием; он не выказывал особой личной доблести, хотя и был умелым полководцем, и готов был отказаться от дальнейших завоеваний; а упоминание о том, что Германику помешали покорить Германию, прямо напоминало об императоре. Трудно поверить, что при

¹ Кстати, посещения прославленных памятников древности императорами и членами их фамилий в I в. были довольно распространены [см.: 9, р. 771].

² [См.: 7, S. 383, Анн. 20]. Здесь приводится ссылка на ряд источников, которые, впрочем, можно трактовать и иным образом. [См. также: 6, S. 37 f.; 8, р. 17 f.].

³ Для оценки см.: [3, с. 13 (с указанием на литературу в ссылках)].

⁴ Обзор материала см.: 10, р. 186.

⁵ Вполне возможно, Тиберий опасался того, что Египет попадет под влияние харизматического, в отличие от него самого, Германика, сильного военного лидера [10, р. 187].

⁶ К этому следует добавить, что у самого «ультра-римлянина» Тиберия не обнаруживается никаких следов интереса к великому македонскому завоевателю [11, р. 76]. Тем подозрительнее были бы для него любые попытки Германика «эллинизировать» свое поведение в духе Александра; в свете незаконности самой поездки, это могло быть расценено мнительным принцепсом как прямой вызов.

⁷ А. Кюнен, правда, усматривает подражание Александру еще и в манере обращения Германика с солдатами [4, S. 165]. Однако, думается, здесь мы имеем дело с более общей и вневременной чертой — стремлением полководца личным общением с рядовым составом поддержать боевой дух войска. Такое поведение было характерно не только для Александра, но и для Сципиона, Цезаря, Марка Антония и других военачальников, как римских, так и чужеземных.

жизни Тиберия кто-нибудь решился бы на такую критику. Во-вторых, похвалы в адрес Германика явно неумеренны, преувеличены настолько, что Р. Сайм характеризует их как «восхваление, гротескное в своей диспропорции (the laudation grotesque in its disproportion)» [9, p. 492]. Таким образом, автором того сопоставления, которое мы имеем, несомненно, является сам Тацит, оно носит чисто литературный характер и является типичным образцом подобных текстов [11, p. 76]. При этом сам автор очень ловко дистанцируется от его содержания, вводя анонимных лиц, которые, якобы, так говорили [4, S. 163]¹.

Сама идея такого сопоставления не нова — здесь сразу же вспоминается «экскурс об Александре» у Тита Ливия, в котором рассматривается вопрос о возможности победы Александра над римлянами. Сравнение этих двух текстов демонстрирует интересные несоответствия уже в самой их логике. Ливий начинает с констатации превосходства римских полководцев и коллективной мудрости сената над военными талантами одного юноши, затем он подчеркивает, что Александр был у македонян один, и его величие «остается всего лишь величием одного человека, которому чуть больше десяти лет сопутствовала удача» (Liv. IX, 18, 8. Пер. Н. В. Брагинской), причем достойно сносить эту удачу он был способен менее всех людей. Здесь следует характеристика отвратительных черт характера и поведения Александра: «Горько, рассказывая о таком великом царе, вспоминать о кичливой перемене в его облачении, о требовании в знак почтения земных поклонов, непереносимых для македонян... А ужасные казни, убийства друзей на пирах и попойках, а тщеславная ложь о своем происхождении! Что если пристрастие к вину росло бы в нем день ото дня, а приступы ярости делались бы все свирепей и неукротимей? И я ведь говорю лишь о том, в чем никто из писателей не сомневается!» (Liv. 18, 4–5). Наконец, Ливий сравнивает армии Александра и римлян в чисто техническом отношении — и снова не в пользу македонян.

Прежде всего, отметим, что у Тацита исчезло противопоставление, связанное с вопросом о возможности победить Рим; он проводит более узкое, но логически гораздо более корректное сопоставление двух личностей, двух полководцев. Тацит не утруждает себя перечислением отрицательных моральных качеств Александра. Противительный союз, идущий сразу же после перечисления сходных черт, ясно указывает, что всеми дальнейшими качествами Александр не обладал², детали образованный читатель, несомненно, мог дополнить и сам, опираясь на риторическую (экскурс Ливия, «Достопамятные деяния и изречения» Валерия Максима) или историческую (Трог Помпей, Курций Руф) традицию. Таким образом, темные стороны личности Александра как бы оттеняют блестящие достоинства римского военачальника [4, S. 163]. Кроме того, в конце своего текста Тацит перечисляет качества, которыми Германик Александра превосходил, т. е., иными словами, они были характерны и для Александра, но в меньшей степени — милосердие, умеренность, «прочие добрые качества» (*clementia, temperantia, ceteris bonis artibus*)³.

Любопытно, что ни одному из названных Тацитом положительных качеств Александра не нашлось места в ливиевой характеристике. Связано это со спецификой политической лексики его времени. Согласно интерпретации Ж. Эллегуара, в политическом

¹ Кстати, текст Тацита, возможно, имеет и второй план. По мнению Р. Сайма, в нем содержатся аллюзии на современные историку события, смерть Траяна на Востоке в 117 г. [см.: 9, p. 492, 771].

² «Но Германик был мягок с друзьями, умерен в наслаждениях, женат единственный раз и имел от этого брака законных детей» (*sed hunc mitem erga amicos, modicum voluptatum, uno matrimonio, certis liberis egisse*). При этом, как отмечает А. Кюнел, в своей довольно краткой характеристике Тацит сумел воспроизвести все основные черты образа Александра, который рисует враждебная ему традиция [4, S. 163].

³ Ср. достоинства Александра согласно Валерию Максиму: III, 8, ext. 6; IV, 7, ext. 2; V, 1, ext. 1; VI, 4, ext. 3; VIII, 11, ext. 2. [Для оценки контекста см.: 13, с. 145–152].

языке поздней Римской республики *temperantia* — это поведение человека, который при любых обстоятельствах делает то, что надлежит, сохраняет чувство меры, столь важное для идеального политика; противоположностью этому качеству являются *libido* (произвол) или *luxuria* (необузданность) [14, р. 259]. Но ведь именно необузданность, хотя соответствующие термины Ливием при характеристике Александра не употребляются, является едва ли не основной чертой характера македонского завоевателя! Он рисуется им как человек, все больше утрачивавший чувство меры, который в Италию «явился бы больше похожий на Дария, чем на Александра» (Liv. IX, 18, 3).

Что касается термина *clementia*, то это понятие во времена республики имело не только двусмысленный характер и применялось главным образом в сфере внешней политики, по отношению к покоренным народам. На практике это означало, что оно выражает отношение высшего, имеющего право проявить снисходительность, к низшему и в этом смысле несет в себе элемент произвола [15, с. 283 сл.]. Таким образом, для республиканца Ливия оно едва ли могло быть похвалой в адрес Александра. Ко времени Тацита восприятие этого понятия кардинально изменилась: *clementia* была официальной политикой Цезаря, эта добродетель была начертана на поднесенном сенатом Августу щите и за столетие успела закрепиться в политическом лексиконе как одна из главных добродетелей принцепса. Применительно ко времени Тиберия подчеркивание милосердия Германика служит историку, конечно, для того, чтобы создать контраст жестокости Тиберия.

Итак, при чисто внешних сходствах (возраст, внешность и т. п.), Германик превосходит Александра и в личной, и в общественной жизни. Столь же однозначно, с точки зрения римлянина, его превосходство как воителя: «Качествами воина он не уступал Александру, даже если и не обладал его безрассудством» (*neque minus proeliatorem, etiam si temeritas afuerit*). Известно, что воинская доблесть занимала исключительно важное место в характерной для античности системе ценностей. Однако, как продемонстрировал А. В. Махлаюк, между ее пониманием греками и римлянами существовали весьма существенные различия. Речь идет, прежде всего, о личном участии полководцев в сражениях, которое у римлян встречается гораздо чаще, чем у греков¹. Подводя итог, исследователь подчеркивает: «В греческой истории в подобных эпизодах выступали почти исключительно незаурядные полководцы. В Риме же это было императивной нормой, которой следовали военачальники и правители, самые разные по способностям, происхождению и характеру» [16, с. 118].

В армии Александра личный пример полководца имел для его воинов огромное значение, что отличало ее от армий классической Греции². В этом смысле Александр был близок и понятен римлянам, с ним можно было сразиться за первенство — и вот Тит Ливий задается вопросом (риторическим!): «А Манлий Торкват или Валерий Корв, стяжавшие славу ратоборцев прежде славы полководцев, разве уступили бы они на поле брани бойцовской доблести Александра, ведь и она немало прибавила к его славе?» (Liv. IX, 17, 12). Германик, не уступающий Александру как воитель, встает в этот же ряд. Но при этом следует помнить, что «высшим проявлением личного мужества в Риме все же считалась готовность встретить опасность лицом к лицу в ситуации, когда это вызывалось прямой необходимостью» [17, с. 302] — отсюда оговорка Тацита насчет безрассудства (*temeritas*). Александр слишком часто подвергал опасности судьбу похода, демонстрируя доблесть без прямой необходимости; римлянин позволить себе этого не мог.

¹ [16, с. 112 сл. (выразительный набор примеров из греческой теории и римской практики)].

² [17, с. 309, со ссылками на источники]. Отношение к войне как к «царскому делу» сохранилось и в эллинистических монархиях [см.: 18, с. 100 сл., 163 сл.].

Однако кроме личной доблести полководцу, чтобы сравняться с Александром, нужны блестящие победы, между тем именно здесь Германик выглядел достаточно бледно на фоне македонского героя. Поэтому Тацит продолжает фразу: ...temeritas afuerit praepeditusque sit percultas tot victoriis Germanias servitio premere («...а Германию, приведенную в смятение столькими победами, ему поработить помешали»). Итак, Германик — жертва внешних обстоятельств, реализовать полководческий талант ему просто не дали. Несмотря на отсутствие прямых указаний в разбираемом фрагменте, Тацит в других местах своего труда и не скрывает, что помешал Германику не кто иной, как Тиберий, завидовавший его популярности и успехам¹. Разумеется, все было бы иначе, «будь он самодержавным вершителем государственных дел, располагай царскими правами и титулом» (Tac. Ann. II.73: si solus arbiter rerum, si lure et nomine regio fuisset) — воинской славы он бы добился настолько же быстрее, насколько превосходил Александра добрыми качествами.

Тема помех, которые чинят полководцу окружающие, тоже не нова, она присутствует уже в экскурсе Ливия. В его время она выглядела так: «...Они (полководцы Республики. — Е. С.) заслуживают большего восхищения, чем Александр или любой другой царь, еще и потому, что иные из них диктаторами были по десять или двадцать дней, а консулом никто не был дольше года; и потому еще, что народные трибуны мешали им производить набор, и на войну они бывало отправлялись с опозданием, и еще до срока их отзывали проводить выборы, и срок их полномочий истекал порою тогда, когда дело было в самом разгаре, и товарищи по должности, случалось, чинили им препятствия или наносили урон кто трусостью, а кто безрассудством, и войну они продолжали, получив в наследство неудачи предшественников, и войско им доставалось из новобранцев или плохо обученных военной службе. А цари, клянусь Геркулесом, не только свободны ото всех этих препон, но вольны распоряжаться и временем, и обстоятельствами, подчиняя все это своему замыслу и ни к чему не применяясь» (Liv. IX, 13–16). Разница вполне очевидна: на пути к победе у республиканских полководцев препятствий было не меньше — но они ее добивались, *несмотря* на то, что не обладали царской властью. Германик, которому перечисленные Ливием факторы практически не мешали, не смог добиться победы, *потому что* не обладал царской властью. Сравнение с Александром, которое Ливий использовал, чтобы превознести virtutes Romanas, превратилось у Тацита в способ обоснования необходимости царской власти для харизматичного полководца — единственного средства защитить его от зависти вышестоящих лиц. Впрочем, век такого полководца недолог, смерть его воспринимается историком как смерть самой надежды, и повествование его окончательно погружается во мрак [1, р. 301].

ЛИТЕРАТУРА

1. Gissel J. A. P. Germanicus as an Alexander figure // Classica et Medievalia. — 2001. — Vol. 52.

¹ Ср.: Tac. Ann. II, 26; 41 (прямое обвинение: «Тиберий не дал Германику закончить войну»). Справедливости ради отметим, что здесь Тацит просто дает волю своей неприязни к Тиберию. Давно и убедительно показано, что конкретный материал (в том числе и приводимый самим Тацитом) не подтверждает выдвинутых в адрес принцепса обвинений в зависти к Германику [перечень фактов см., напр.: 19, р. 190 f.]. Да и в военном отношении Тацит сильно преувеличивает значение побед Германика. Как справедливо подчеркнул К. Пеллинг, в споре с принцепсом о германской политике он проявил, несмотря на романтическую ауру, которая его окружает, полную стратегическую некомпетентность [20, р. 281]. Для оценки см., напр.: [21, с. 259–260; 22, с. 91; 23, с. 115 сл.].

2. *Виноградов В. В.* Александр Македонский и русский фольклор // Александр Великий. Жизнь образа в мировой культуре Материалы конф. 18 апреля 2007 г. [Труды Государственного Эрмитажа. Т. 63]. — СПб., 2012.
3. *Смыков Е. В.* Imitatio Alexandri в республиканском Риме: исторический факт или историографический миф? // Александр Великий. Жизнь образа в мировой культуре. Материалы конф. 18 апреля 2007 г. [Труды Государственного Эрмитажа. Т. 63]. — СПб., 2012.
4. *Kühnen A.* Die imitatio Alexandri als politisches Instrument römischer Feldherren und Kaiser in der Zeit von der ausgehenden Republik bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr. — Duisburg; Essen, 2005.
5. *Michel D.* Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius. Archäologische Untersuchungen. — Bruxelles, 1967.
6. *Weippert O.* Alexander-Imitatio und Römische Politik in Republikanischer Zeit. — Augsburg, 1972.
7. *Aalders H. Wzn G. J. D.* Germanicus und Alexander der Große // Historia. — 1961. — Bd. 10.3.
8. *Nadell J. B.* Alexander and Romans. Diss. — Ann Arbor, 1959.
9. *Syme R.* Tacitus. — Oxf., 1958. — Vol. 2.
10. *Capponi L.* The Roman Period // A Companion to Ancient Egypt. — Oxf., 2010.
11. *Hengst D. den.* Alexander and Rome // Hengst D. den. Emperors and Historiography. Collected Essays on the Literature of the Roman Empire. — Leiden; Boston, 2010.
12. *Stadter Ph. A.* Character in Politics // A Companion to Greek and Roman political Thought / Ed. R. K. Balot. — Oxf., 2009.
13. *Смыков Е. В.* Образ Александра Великого в произведении Валерия Максима // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбанка (Казань, 9–11 декабря 2009 г.). — Казань, 2009.
14. *Hellegouarc'h J.* Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République. — P., 1963.
15. *Егоров А. Б.* Добродетели щита Августа // Античный мир: Проблемы истории и культуры. — СПб., 1998.
16. *Махлаюк А. В.* Армия Римской империи. Очерки традиций и менталитета. — Н. Новгород, 2000.
17. *Махлаюк А. В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. — СПб., 2006.
18. *Ханиотис А.* Война в эллинистическом мире. — СПб., 2013.
19. *Paladini M. L.* A proposito del parallelo Alessandro Magno — Germanico Cesare in Tacito // Alessandro Magno tra storia e mito / Ed. M. Sordi. — Milano, 1984.
20. *Pelling C. P.* Tacitus and Germanicus // Oxford readings in Tacitus. — Oxf., 2012.
21. *Крифт К.* История времен римских императоров. — Ростов н/Д., 1997. — Т. 1.
22. *Грант М.* Двенадцать Цезарей. — М., 1998.
23. *Парфенов В. Н.* «Consilium coercendi intra terminos imperii» (к проблеме преемственности европейской политики Августа и Тиберия) // АМА. — 2002. — Вып. 11.

Резюме

Смыков Е. В. «Несостоявшийся Олександр»: деякі аспекти способу Германіка у Тацита

У статті розглядається зіставлення Олександра Великого і Германіка, яке справив Тацит (Тас. Апп., II, 73). Воно, ймовірно, є літературним прийомом, за допомогою якого Тацит не тільки демонструє перевагу римського полководця над Олександром,

але і висловлює приховану критику на адресу імператора Тіберія. З погляду Тацита, Германік перевершив би своїми успіхами Олександра, якби мав монархічну владу. В цілому це порівняння демонструє зміщення акцентів у бік монархізму: Тит Лівій показував, як полководці домагалися успіху, незважаючи на те, що не мали монархічної влади, Тацит підкреслює, що відсутність такої влади завадила Германику добитися перемоги і реалізувати свої блискучі якості.

Ключові слова: Германік, Олександр Великий, Тіберій, зіставлення, наслідування, Тацит, Лівій.

Резюме

Смыков Е. В. «Несостоявшийся Александр»: некоторые аспекты образа Германика у Тацита

В статье рассматривается сопоставление Александра Великого и Германика, которое произвел Тацит (Тас. Анн., II, 73). Оно, вероятно, является литературным приемом, при помощи которого Тацит не только демонстрирует превосходство римского полководца над Александром, но и выражает скрытую критику в адрес императора Тибериуса. С точки зрения Тацита, Германик превзошел бы своими успехами Александра, если бы имел монархическую власть. В целом это сравнение демонстрирует смещение акцентов в сторону монархизма: Тит Ливий показывал, как полководцы добивались успеха, несмотря на то, что не имели монархической власти, Тацит подчеркивает, что отсутствие такой власти помешало Германику добиться победы и реализовать свои блестящие качества.

Ключевые слова: Германик, Александр Великий, Тибериус, сопоставление, подражание, Тацит, Ливий.

Summary

E. Smykov. “Missed Alexander”: Some Aspects of the Image of Germanicus in Tacitus

The article deals with a comparison of Alexander the Great and Germanicus, which made Tacitus (Tac. Ann., II, 73). It is probably a literary device by which Tacitus not only demonstrates the superiority of the Roman general of Alexander, but also expresses a hidden criticism of the emperor Tiberius. From the point of view of Tacitus, Germanicus would have surpassed his successes Alexander if he had a monarchical power. In general, this comparison demonstrates the shift towards monarchism: Livy showed how generals succeeded, despite the fact that they had no monarchical power, Tacitus emphasizes that the lack of power prevented Germanicus win and realize his brilliant quality.

Key words: Germanicus, Alexander the Great, Tiberius, comparison, imitation, Tacitus, Livy.

